

Через огненные версты войны

Дом Галимзяна Сабирзяновича Сабирзянова стоит на одной из центральных улиц Средних Юрткулей — большого села, в котором он живет с рождения. Спокойно и размеренно течет здесь жизнь, наполненная обычными сельскими заботами. А их немало и у молодых, и у пожилых. Вот и Галимзян Сабирзянович, несмотря на то, что уже десять лет как на пенсии, всегда находит для себя дело. Пока еще держит скотину и любит поводить пчелами. Пчеловодством стал заниматься давно, но времени для любимого занятия почти не оставалось. Работа отнимала много сил. Теперь он, можно сказать, человек свободный, но свободный, конечно, чисто условно, ведь все мы зависим в жизни от чего-то. А поколение Галимзяна Сабирзяновича, поколение военного времени, особенно отличается тем, что всегда жило с чувством внутреннего долга перед родиной, своей землей, лучше которой все-таки нет. И это не просто слова. За свою жизнь Галимзян Сабирзянович повидал много, в войну он прошел, без преувеличения, всю Европу. И как бы ни жили хорошо, богато и счастливо где-то за границей,

ли туда на подкрепление. И закрутила-завертела сельского парня военная судьба, да так лихо, что самому порой не верилось. Где только ни побывал он! Прошел в составе армии Донского фронта всю Украину, Польшу, Австрию, Германию, участвовал во взятии Берлина. Затем в составе третьей танковой армии его полк через Карпаты был переброшен в Чехословакию, где Галимзян и встретил Победу. После войны — два года снова в Чехословакии, в Германии, и только в сорок седьмом году демобилизовался.

О своем боевом пути он рассказывал очень кратко, а ведь в армии пробыл пять лет. И, как ни говори, постоянно на передовой. Правда, первый и главный удар принимали на себя танкисты — это они пробивали оборону и начинали наступление, расчищая путь для зенитной артиллерии, в которой служил Галимзян Сабирзянович. «В основном мы воевали с самолетами, — заметил он, — но приходилось всяко. Было, что и на пехоту ставили свои зенитки. И, конечно, было страшно...»

Особенно досталось под Киевом, когда форсировали Днепр, под Берлином. В последние дни, кстати, страху прибавилось: кому же хотелось умирать в конце войны?

Надо сказать, что военная судьба Г. С. Сабирзянова сложилась довольно счастливо. Остался не только жив, но цел и невредим — чего же лучше? Только вот годы, проведенные на фронте, не сразу, но сказались на здоровье, и война для ветерана — это как бы незаживающая рана. Разоренные города, сожженные деревни и села, от которых порой торчали только трубы, бесконечные подугольные

мы не были захватчиками, как, к сожалению, сейчас некоторые считают».

Жаль, что не разрешили почему-то тогда вести дневники, теперь уже многое позабылось, а ведь на каждом шагу встречалось такое, о чем писали в письмах домой, рассказывали друг другу, сочиняли анекдоты и небылицы. И хоть трудно приходилось, чувство юмора не покидало наших солдат никогда. Даже над самими собой не переставали смеяться из-за того, что много работали физически. Хочешь плачь, хочешь смейся, а приказ не выполнить нельзя, вот и меняли огневую позицию иногда по два-три раза в день. А что это такое, знает только тот, кто был на войне: не успеешь окопаться, все устроить, и только бы чуточку отдохнуть, как снова приказ: «Вперед! Не отставать!» Все на свете проклинаешь, а опять запрягаешься — и за работу по новой.

Войну Галимзян Сабирзянович прошел почти без ранений, только в одном из боев слегка задело. Его боевой путь отмечен орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». А по возвращении домой он вернулся к своей прежней профессии, снова стал учительствовать. В 1954 году его направили на учебу в специальную школу по подготовке председателей колхозов. А потом работал до самой пенсии главным агрономом колхоза им. Чапаева, всю жизнь выращивая хлеб и радуясь тому, что он имеет возможность трудиться на своей земле, где родился и вырос.

Девять сыновей воспитал Галимзян Сабирзянович, а их разбросало по свету. Но летом они собираются в родном

Дом Галимзяна Сабирзяновича Сабирзянова стоит на одной из центральных улиц Средних Юрткулей — большого села, в котором он живет с рождения. Спокойно и размеренно течет здесь жизнь, наполненная обычными сельскими заботами. А их немало и у молодых, и у пожилых. Вот и Галимзян Сабирзянович, несмотря на то, что уже десять лет как на пенсии, всегда находит для себя дело. Пока еще держит скотину и любит повозиться с пчелами. Пчеловодством стал заниматься давно, но времени для любимого занятия почти не оставалось. Работа отнимала много сил. Теперь он, можно сказать, человек свободный, но свободный, конечно, чисто условно, ведь все мы зависим в жизни от чего-то. А поколение Галимзяна Сабирзяновича, поколение военного времени, особенно отличается тем, что всегда жило с чувством внутреннего долга перед родиной, своей землей, лучше которой все-таки нет. И это не просто слова. За свою жизнь Галимзян Сабирзянович повидал много, в войну он прошел, без преувеличения, всю Европу. И как бы ни жили хорошо, богато и счастливо где-то за границей, родина у человека одна, и потому она всех дороже.

...В 1942 году взяли Галимзяна, молодого учителя, на фронт. Попал в Ярославль, где определили на учебу в эвакуированное в этот город Новгород-Вольнское военное училище. Учился, правда, недолго — всего три месяца. Под Сталинградом дела складывались не лучшим образом, и молодых солдат отправи-

ли туда на подкрепление. И закрутила-завертела сельского парня военная судьба, да так лихо, что самому порой не верилось. Где только ни побывал он! Прошел в составе армии Донского фронта всю Украину, Польшу, Австрию, Германию, участвовал во взятии Берлина. Затем в составе третьей танковой армии его полк через Карпаты был переброшен в Чехословакию, где Галимзян и встретил Победу. После войны — два года снова в Чехословакии, в Германии, и только в сорок седьмом году демобилизовался.

О своем боевом пути он рассказывал очень кратко, а ведь в армии пробыл пять лет. И, как ни говори, постоянно на передовой. Правда, первый и главный удар принимали на себя танкисты — это они пробивали оборону и начинали наступление, расчищая путь для зенитной артиллерии, в которой служил Галимзян Сабирзянович. «В основном мы воевали с самолетами, — заметил он, — но приходилось всяко. Было, что и на пехоту ставили свои зенитки. И, конечно, было страшно...»

Особенно досталось под Киевом, когда форсировали Днепр, под Берлином. В последние дни, кстати, страху прибавилось: кому же хотелось умирать в конце войны?

Надо сказать, что военная судьба Г. С. Сабирзянова сложилась довольно счастливо. Остался не только жив, но цел и невредим — чего же лучше? Только вот годы, проведенные на фронте, не сразу, но сказались на здоровье, и война для ветерана — это как бы незаживающая рана. Разоренные города, сожженные деревни и села, от которых порой торчали только трубы, беспризорные полуголодные дети... Это у нас, а там, в европейских странах; такого разорения не было. И потому, что строили, по-видимому, лучше, и со стороны нашей армии не было слишком беспощадного отношения. «Ничего мы зря не рушили и не трогали, — говорит по этому поводу Галимзян Сабирзянович, — казалось то, что цель в нашей армии была другая: мы освобождали свою и соседние страны от фашистского ига. Значит,

мы не были захватчиками, как, к сожалению, сейчас некоторые считают».

Жаль, что не разрешили почему-то тогда вести дневники, теперь уже многое позабылось, а ведь на каждом шагу встречалось такое, о чем писали в письмах домой, рассказывали друг другу, сочиняли анекдоты и небылицы. И хоть трудно приходилось, чувство юмора не покидало наших солдат никогда. Даже над самими собой не переставали смеяться из-за того, что много работали физически. Хочешь плачь, хочешь смеяться, а приказ не выполнить нельзя, вот и меняли огневую позицию иногда по два-три раза в день. А что это такое, знает только тот, кто был на войне: не успеешь окопаться, все устроить, и только бы чуточку отдохнуть, как снова приказ: «Вперед! Не отставать!» Все на свете проклинаешь, а опять запрягаешься — и за работу по новой.

Войну Галимзян Сабирзянович прошел почти без ранений, только в одном из боев слегка задело. Его боевой путь отмечен орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». А по возвращении домой он вернулся к своей прежней профессии, снова стал учительствовать. В 1954 году его направили на учебу в специальную школу по подготовке председателей колхозов. А потом работал до самой пенсии главным агрономом колхоза им. Чапаева, всю жизнь выращивая хлеб и радуясь тому, что он имеет возможность трудиться на своей земле, где родился и вырос.

Девять сыновей вырастил Галимзян Сабирзянович, а их разбросало по свету. Но летом они собираются в родном гнезде, в родительском доме, стараются помочь по хозяйству, ведь у отца, кроме пчел, есть корова, теленок. Каждый день приносит новые заботы и хлопоты, но даже и за ними ветеран часенюк вспоминает фронтовые дороги, боевых друзей, а значит, свою молодость, через которую огненным вихрем пронеслась война.

Л. ГЕОРГИЕВА.